

Вознюк А.В. Эмерджентные основания Третьей всемирной теории М. Каддафи: Ливия как эмерджентная сущность / А. В. Вознюк, В. Г. Калашников // XXI століття: Альтернативні моделі розвитку суспільства. Третя світова теорія : матеріали IV міжнар. наук.-практ. конф. – К., 2005. – Ч. 1. – С. 75-80.

**А. В. Вознюк,
В. Г. Калашников**
г. Житомир

ЭМЕРДЖЕНТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТРЕТЬЕЙ ВСЕМИРНОЙ ТЕОРИИ М. КАФФАФИ: ЛИВИЯ КАК ЭМЕРДЖЕНТНАЯ СУЩНОСТЬ

В синергетике эмерджентность, или динамическая иерархичность, понимается как основной принцип прохождения системой точек бифуркации и означает принципиальную невозможность сведения свойств системы к сумме свойств частей, из которых она состоит. То есть системные свойства целостного объекта качественно отличаются от свойств всех элементов, входящих в систему ("целое больше частей"). Таким образом, синергетика фиксирует процессы, при которых целое имеет такие свойства, которые отсутствуют в отдельных частях этого целого, при этом свойства целого как бы появляются ниоткуда.

Точка бифуркации, в которой происходит преобразование эволюционирующей системы, оказывается эмерджентной сущностью, способной не только к порождению нового, но и к организации системы как целостного образования. Точка бифуркации в более широком понимании есть граница, выступающая организующим фактором Вселенной. По существу, именно граница представляет собой Целое. Поясним это утверждение.

Фундаментальное онтолого-гносеологическое членение Вселенной обнаруживает ее трехипостасность. Философская традиция рассматривает мир как триадическую сущность: субъект (нечто внутреннее, имманентное), объект (нечто внешнее, трансцендентное) и граница, лежащая между ними и опосредующая их отношения. В гештальтпсихологии данное триадическое членение выступает в виде базовой схемы: "Я" – граница – "не-Я". Граница как сфера взаимодействия субъекта и объекта (которые воплощают два любых взаимодействующих противоположных начала) имеет парадоксальное содержание [1], ибо она может принадлежать: 1) как объекту, 2) так и субъекту, 3) первому и последнему одновременно, 4) ни тому, ни другому. Таким образом, граница (а в более общем понимании – любое граничное явление) есть категория, отражающая целостность, связь, отношение, которое, как полагал А.И. Уемов, составляет предметы из элементов [2]. Кроме этого, граница как четырехэлементная сущность преломляет принцип "четырёх альтернатив" индийской логики, отвечающих четырем буддистским уровням постижения бытия, а также выражающих четыре возможных логических координации между любыми противоположностями, которые применяет Ю.А. Урманцев в качестве

четырех мировоззренческих "предпочтений" для ответа на основной вопрос философии [3; 4, с. 234–235].

Мы видим, что именно в сфере границы отношения между субъектом и объектом репрезентируют феномен **целостности**, так как в виде четырех альтернатив эти отношения представлены как принципиально когнитивно равноправные аспекты, ибо ни одному из них в силу того, что они рассматриваются в целостном гносеологическом контексте нельзя отдать предпочтения.

Граница, выступающая нейтральным, центральным моментом любого отношения, отражается в структуре логического суждения. Дело в том, что структура логического силлогизма универсальна и проистекает из структуры древнегреческого мифа [5]. В данной структуре (субъект – *связка* – предикат) связка как *граница* между двумя логическими терминами имеет решающее значение и является логической и языковой универсалией, а возникновение логики как науки зависит от той роли, которую играет данная связка. Известно также, что “человеческие гены воспроизводят себя не в некой общей аморфной массе населения страны, региона, континента или мира в целом, а именно в этнических границах.. это приводит к формированию генетического своеобразия этносов и различий между их гедофондами” [6].

Как Показал Л. Н. Гумилев в книге "Этногенез и биосфера земли" (1989), оси пассионарных толчков, подобно "жизненному порыву" А. Бергсона, дают импульс развитию тех или иных глобальных социальных процессов. Эти оси проходят через стыки ландшафтов и, как следствие, через сообщества людей, которые занимаются различными видами хозяйственной деятельности.

Можно говорить о специальном парадоксальном эффекте границы, который наблюдается во многих формах социального поведения, когда, как показывают этологи, лесная поляна, берег моря, межа вспаханного поля и вообще любая особенность на однообразной местности привлекает живых существ, когда жизнь "роится" главным образом на границе раздела трех сред – океана, суши и атмосферы [7, с. 71]. Тут можно говорить о феномене *социального маргинализма* как состояния индивидов, которые находятся на границе двух конфликтующих жизненных укладов. Маргинализм при этом может пониматься не только как социальный, но и научный феномен, – как источник движения к новому [8, с. 177–178].

О роли границы мы можем узнать и из факта про так называемые “третичные зоны мозга” А. Р. Лурии (зоны ассоциативного перекрытия), где вторичные зоны, реализующие специфические функции, пересекаются и где утрачивается модальная специфичность. Именно третичные зоны обеспечивают ощущение более высокого порядка [см. 9, с. 230]. Феномен границы мы находим и в следующем факте: “максимум делящихся клеток приходится на предрассветные часы, когда ночь сменяется световым периодом” [28]. Интересно, что период от трех до пяти утра многими эзотерическими истониками полагается моментом “Х”, когда космос и человек “соприкасаются”. Колдуны древности, как отмечал

К. Кастанеда, называли время захода и восхода солнца “щелью между двумя мирами”. Психологам известно, что в состоянии перехода между сном и бодрствованием наличествует парадоксальная фаза, являющаяся искомой целью духовных практик: “Грань между сном и бодрствованием условна; то и другое сочетая в духе, ты в *третье состояние* обязан себя ввести” (В. Сидоров). В психологии переходные фазы в процессе роста организмов называются критическими, бифуркационными, играющими решающую роль в выборе направления органогенеза и в формировании психических функций. В концепциях решения проблемы, принятия решения граница может пониматься как “логический вакуум” – неотъемлемый атрибут всякого познания, которое, развиваясь скачкообразно, время от времени обнаруживает “логические вакуумы”, заполняющиеся логической мыслью после процесса озарения [10]. В экзистенциализме “граничной ситуации” между жизнью и смертью (соотносящейся с такими культурологическими феноменами, как инициация, посвящение, крещение и т. д.) придается решающее значение в процессе прозрения человеком своей сущности.

Граница как парадоксальная сущность отражается в понятии “эволюционной середины”, или “переходной ступеньки” от *одного качества к другому*, в сфере которой старого качества уже нет, а нового – еще нет [11, с. 281–296]. Ее Аристотель, Гегель и иные философы называли “средним термином” по отношению к понятиям, которые фиксируют изначальное и завершающее качественное состояние объекта, развитие которого анализируется. В философской литературе отношение таких “*полупротивоположностей*” называют *контрмедиальным*, в отличие от контрарного отношения, отражающего “полную” полярную симметричную противоположность предметов и явлений (например, движение и покой, тьма и свет, субъект и объект), и в отличие от противоречивого отношения (темное – нетемное, то есть не неосветленное; субъект и не- субъект). Попытку анализа этой контрмедиальной, равновесной, межкачественной ступени процесса развития мы находим в гегелевской *диалектике* [12, т. 4, с. 6; т. 5, с. 441, 445.]. Гегель рассматривал состояние индифференции, равновесия противоположностей как ключевое условие, “пусковой” момент перехода бытия в сущность. Это состояние Гегель определяет как “форма бесформенного”, а современные философы – как экзистенцию, или “бытием-между” (inter-esse).

Парадоксальность границы как некоего принципа, конституирующего целостность и непрерывность развития и движения как такового (в силу того, что граница выражает некую нулевую, нейтральную, парадоксальную реальность на континууме смены состояний развивающегося предмета, где старого состояния уже нет, а нового еще нет, а поэтому соединяет прошлое с будущим), подтверждается так называемым *парадоксом развития* (возникновения, или *телеологическим парадоксом*), заключающийся в том, что если нечто новое возникает из старого, то оно уже должно содержаться в нем в потенциально-возможном, виртуальном состоянии и, поэтому, не является “радикально” новым

в полном смысле этого слова, ибо в этом случае стирается различие между новым и старым: если новое возникло из старого, то оно, следовательно, было заключено в нем в потенциально-возможном, виртуальном состоянии и не является принципиально новым.

"Нулевая", нейтральная сущность границы как принципа, конституирующего развитие, обнаруживается везде. Приведем пример. Существует наблюдение: в конденсаторе наибольшее количество тока протекает в моменты его включения и выключения. Кроме того, человек лучше всего запоминает из предъявляемого массива информации начало и конец. Таким образом, память актуализируется на границах разделов процессов. Да и вообще, жизнь как феномен динамический актуализируется именно в моменты перехода одного в другое. Данный феномен можно с полным правом назвать феноменом целостности, о котором С. Л. Рубинштейн писал следующее: "Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие. Этот процесс – непрерывная серия цепных взрывных реакций. Каждая данность – наличное бытие – взрывается очередным действием, порождающим новую данность нового наличного бытия, которое взрывается следующим действием человека... Значит, в человеке, включенном в ситуацию, есть что-то такое, что его выводит за пределы ситуации, в которую он включен... Становление есть нахождение в ситуации, затем выход за пределы этой ситуации в сознании и действии" [13, с. 341].

Итак, Целое как принцип порождения и организации явлений и предметов Вселенной есть граничная сущность. Ливия как государство, в границах которого объединен ливийский этнос, оказывается граничной сущностью, поскольку в геополитическом отношении является территорией, которая соприкасается с тремя континентами – Европой, Азией и Африкой. Визуально Ливия как бы является "центром тяжести" единого евразийско-африканского материка.

Кроме того, здесь проходит граница и между сушей и морем, пустыней и покрытыми растительностью землями. На территории Ливии исторически соприкасаются католическая, православная религии и ислам, здесь также соседствуют древняя африканская, древнеримская, древнегреческая, арабская цивилизации. Дадим краткий исторический экскурс Ливии, который подтверждает данный вывод. В 1-й половине 1-го тыс. до н.э. на западе Ливии были основаны греческие города-колонии. В середине 5 в. до н.э. значительная часть Ливии перешла под власть Карфагена. После падения Карфагена во втором веке до нашей эры Ливия была завоевана языческим Римом. В 5 в. н.э. ее захватили вандалы, в 6 в. она вошла в состав христианской Византии, а в 7 в. в результате арабских завоеваний включена в Арабский халифат. С этого периода Ливия стала мусульманской державой, которая позже полностью или частично попадала под власть мусульманских династий, правящих в соседних Египте и Тунисе. Переселение в Ливию некоторых арабских племен привело к постепенной арабизации местного населения, распространился ислам. С 16 века до 1912 года Ливия была включена в состав Османской империи. 1912 – 1943 годы Ливия превратилась в итальянскую колонию, получает определенное распространение

католическое влияние. В целом с конца 19 века вследствие своего особого геополитического положения Ливия стала одним из объектов, который стремились захватить империалистические державы. В 1943 году Ливия перешла под власть военной администрации Великобритании. В 1949 году Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о предоставлении Ливии независимости к 1 января 1952 года. К середине 50-х годов в Ливии были открыты богатые нефтяные месторождения, а 1 сентября 1969 года в Ливии произошла революция, руководимая М. Каддафи.

Таким образом, Ливию в геополитическом отношении можно считать эмерджентной сущностью со всеми эволюционными, историческими и мировоззренческими последствиями, вытекающими из этого. Одно из таких последствий – особая роль Ливии в формировании новейших социально-политических ориентиров для стран мира.

Существенно, что Третья Всемирная Теория М. Каддафи представляет собой определенный синтез социально-политических учений, поскольку в связном контексте рассматривает основные проблемы социально-экономического развития человечества, анализируя такие аспекты становления и развития социумов, как экономика, политика, религия, язык, образование и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лосев А. Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983. – С. 149–170.
2. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978.
3. 10. Урманцев Ю. А. О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 89–105.
4. Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Индия и Китай. – СПб.: Орис, 1994.
5. Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. – М.: Наука, 1984. – С. 141.
6. Рычков Ю. Г. История как фактор генетического развития народонаселения // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 168.
7. Голицын Г. А., Петров В. М. Гармония и алгебра живого. – М.: Знание, 1990.
8. Муляр В.І. Самореалізація особистості як соціальна проблема (філософсько-культурологічний аналіз). – Житомир, 1997.
9. Спрингер С., Дейч Т. Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983.
10. Рыбаков В. Влияние непрерывного освещения животных на суточный ритм профилиративной активности их организмов // Журнал общей биологии. – 1979. – Т. 11. – № 5.
11. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. – М.: Мысль, 1988.
12. Гегель Г. Сочинения. – М.: Изд. АН СССР, 1932–1958.
13. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973.